

Ф И Л О С О Ф И Я

МЕТАФИЗИКА ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ*

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ: О ЧЕМ РЕЧЬ?

ФИЛОСОФИЯ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ: СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТЬ И СОБЫТИЙНОСТЬ

© М. В. Михайлова

Михайлова
Марина Валентиновна
кандидат философских наук
доцент кафедры
искусствознания
Санкт-Петербургский
государственный университет
кино и телевидения

Автор статьи пытается обозначить принципы философии простых вещей, а именно – созерцательность (основанная на презумпции тварности вещей готовность воспринимать смыслы, которые присущи вещи) и событийность (открытость познающего разума к вещи в ее эстетической и онтологической определенности).

Ключевые слова: вещь, простота, реальность, созерцание, событие, полнота, блаженство.

Не обильное познание питает душу и ее удовлетворяет, но внутреннее прочувствование вещи и наслаждение ее содержанием.

Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения

1. Немного о философии простых вещей

Формулировка «философия простых вещей» появилась в 2006 году вместе с программой «Словарь» (радио «Град Петров», www.grad-petrov.ru)¹, когда нужно было как-то кратко обозначить идею проекта. Почему мне интересно заниматься этой темой?

Прежде всего потому, что я в этом чувствую возможность ответа на настоятельную потребность времени. Один из симптомов совре-

* В разделе представлены материалы российско-го семинара «Метафизика простых вещей» (8-9 февраля, 2008 года). Семинар организован и проведен Центром философских и эстетических исследований Самарской гуманитарной академии.

¹ Об этой программе см.: Михайлова, М. В. Словарь и образ жизни: о двух программах радио «Град Петров» // *Mixtura verborum* 2006: топология современности. Самара: СаГА, 2007.

менности – утрата реального, и преодолеть эту проблему можно именно с помощью внимания к простым вещам. Вещь – это то, что можно назвать, то, что может именоваться, называться именем. Любая сущность, которая может быть именована, – это вещь. С этой точки зрения вещами являются не только камень, стол или газета, но и надежда, любовь, страх.

Главное свойство вещи заключается в том, что она вещает. Вещь способна говорить, она может быть носителем иных смыслов помимо тех, что я ей приписываю. С вещью возможно вступать в некие значимые смысловые отношения. Мы можем обратиться к вещи вопросом: «Что ты мне говоришь? О чем ты вещаешь, вещь? Я хочу услышать тебя, я не хочу вменить тебе свое вопрошание».

Эта возможность диалога с вещами, как мне кажется, очень важна именно в наше время, потому что вещь в ее приятной тяжести, спокойной определенности – вызов эпохе симулякров, виртуальных технологий, медиа-продукции. Между прочим, медиа, которое, если я правильно понимаю это слово, первоначально должно было заменить агору, предполагало создание информационной среды, посредничество между людьми в обмене мнениями и новостями, в настоящее время все больше и больше становится опосредующей инстанцией в отношениях человека и мира. Экран экранирует, он выступает как некая непрозрачная или преломляющая, искажающая среда, которая уже не открывает человеку мир, а закрывает его, продуцирует ложные образы. Как тут не вспомнить пророчество сказочника Андерсена с его разбитым зеркалом тролля из «Снежной королевы»: для того, чтобы разрушить отношения человека с миром и ближним, достаточно крошечного стеклышка, попавшего в глаз. Как мне кажется, основная проблема нашего времени заключается в том, что у нас нарушены простые отношения с вещами. Речь идет даже не о простых вещах, а о мере простоты в нашем отношении к вещам и к миру.

Философия XX века в подробностях разработала аналитику квазиреальности. Мы сегодня вполне осведомлены о лукавстве «прозрачного зла», о механизмах оболъщения и порабощения, встроенных в современную цивилизацию. Но, как известно, если изгнать нечистого духа из человека и ничем не заполнить дом души, то бес бродит по пустынным болотистым местам, находит там семерых дружков, злейших себя, они всей ватагой возвращаются к тому человеку и, найдя последнее хуже первого, приборанным и пустым, тут же занимают его, и бывает последнее хуже первого. Так что если за философским исследованием «пустыни реального» не следует предложение какой-то позитивной стратегии мысли и действия, мы остаемся в той же пустыне и, не имея надежды на исход, вынуждены будем «возлюбить свой симптом» и научиться «сосуществовать с негативом». Философия простых вещей и представляется мне такой позитивной возможностью, предполагающей усилие возврата к прямому, не опосредованному информационными технологиями, взгляду на мир².

² О значимости в атмосфере нашего времени интереса к простым вещам косвенно свидетельствуют, скажем, названия фильмов «Простая история» Д. Линча (1999) и «Простые вещи» А. Попогребского (2007). С. Жижек, анализируя «Простую историю» (название фильма – «The Straight Story» – означает и «История Стрейта», по

В некотором смысле философия простых вещей может быть рассмотрена как самый радикальный ответ на многие вопросы нашего времени. Однако стоит сделать такое заявление, и сразу встает множество вопросов: насколько возможен такой взгляд для человека, живущего в современности, в этой самой виртуализированной «пустыне реального», и пронизанного ее энергиями? Насколько этот взгляд возможен для постлакановского субъекта, который мыслится в порядке символического, на пересечении различных языковых систем как некая точка сборки очередной конфигурации знаков? Какая уж тут простота? Где он – этот простой взгляд? И где они, эти простые вещи, если наша реальность уже дематериализована и виртуализована настолько, что представляет собой не что иное, как «призрачное шоу», «паутину видимости», по выражениям С. Жижека³? Вопросы эти серьезны и правомерны. Однако они говорят не только и не столько о свойствах реальности и субъекта, сколько о качестве актуального философского дискурса, который на сегодняшний день обладает столь тонким понятийным аппаратом и таким изощренным методологическим инструментарием, что это дает возможность модному писателю сказать, что «современные философы – это подобие международной банды цыган-кочевников, которые при любой возможности с гиканьем угоняют в темноту последние остатки простоты и здравого смысла»⁴. На это, конечно, мы, философы, можем все как один ответить: «Сам такой!», то есть заменить в цитированном отрывке слово *философы* на слово *писатели*: «Современные писатели – это подобие международной банды...» – далее по тексту. Но при этом мы не можем не признать, что какая-то правда в этих не то обидных, не то лестных для упомянутой шайки словах, несомненно, есть.

Действительно, на мой взгляд, ситуация в какой-то момент стала критической, и мы уже находимся внутри символических конструкций, которые не дают нам никакого выхода к реальности. Альтернативой тому образу мысли, когда, используя название цитированной работы Жижека, «простота означает странность, а психоз становится нормой», может стать философия простых вещей. Под вещами в данном случае мы договорились понимать все, что можно именовать, то есть все, что соразмерно человеческому разумению, весь мир, представленный в языке. Как я понимаю

имени главного героя, и «Простая история», и «Искренний рассказ», и «История честного человека...») в контексте творчества Линча, выдвинул предположение:

«Что, если, в таком случае, именно это является самым главным посланием фильма – что мораль является “наиболее тайным и дерзким заговором”, что этический субъект действительно угрожает существующему порядку, в отличие от длинного ряда линчевских странных извращенцев (барон Харконнен в «Дроне», Фрэнк в «Синем бархате», Бобби Перу в «Диках сердцем»), которые в конечном счете служат его опорой?» (Жижек, С. Когда простота означает странность, а психоз становится нормой / пер. с англ. А. Смирнова // <http://anthropology.ru>).

³ Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального II: Размышления о Всемирном торговом центре – третья версия / пер. с англ. А. Смирнова // <http://anthropology.ru>.

⁴ Пелевин, Виктор. Македонская критика французской мысли // Диалектика Переходного Периода Из Ниоткуда В Никуда/Виктор Пелевин // <http://www.fictionbook.ru>.

простоту? В этимологии и семантике слова «простой» важным компонентом является значение «прямой». Просто – это прямо, и мне кажется, что для нашего времени самая большая проблема – это как раз невозможность этого простого взгляда. Не только наша поэзия – одна великолепная цитата, но и вся наша жизнь – череда воспроизведений всевозможных клише, моделей и паттернов, и по-другому мы уже и посмотреть не можем. У нас нет сил, у нас нет отваги и решимости вернуться в то адамическое состояние, к которому призывали когда-то акмеисты, и увидеть мир впервые, жить с чистого листа.

Как мне кажется, в нынешней отечественной философии этого дерзновения простого взгляда тоже нет. Какие пишутся диссертации: вот понятие такое-то у Хайдеггера, а вот сякое-то у Лакана, а теперь давайте проведем сравнительный анализ, посмотрим что-то у того и этого... Получается, что если мы поставим задачу все перечитать и подробно рассмотреть, как кто думал, мы никогда в жизни не доберемся до того момента, когда сможем просто увидеть что-то. Значит, «то следует делать, и этого не оставлять»: занимаясь историей философии, изучая тексты, необходимо при этом все-таки давать себе труд прямого рассмотрения предстоящих нам в нашем опыте вещей.

Два основных принципа философии простых вещей я бы определила как **созерцательность** (от концепта – к вещи) и **событийность** (от всеобщего – к сингулярному). Нетрудно заметить, что в этих принципах нет ничего нового, они уже были блистательно разработаны в немецкой и французской философии прошлого века, и мы, принимая позу ученика, только стараемся приложить те мыслительные стратегии, которые уже разработаны учителями, к конкретным жизненным моментам, сделать теоретические достижения прошлого века моментами практической философии.

2. Созерцательность (от концепта – к вещи)

Вещь, с которой возможен телесный контакт, которую мы можем не только помыслить, но и почувствовать, вступить с нею в значимые отношения, которую мы можем пережить, свидетельствует о мире, который есть. Он не виртуален, не эфемерен. Скажем, камень, который может быть холодным или нагретым солнцем, который имеет свой запах, цвет, фактуру, о который разбивается стекло, или он поддерживает свод, или он лежит посреди дороги, и нам не проехать – это всякий раз манифестация мира, который есть. Камень предстает нам в своей определенности, предлагает – а иногда и требует – к нему как-то отнестись. Тем самым он относит нас и к сложному целому миру. Камень указывает на дорогу, которая куда-то ведет, или на солнце, что сегодня особенно ярко и горячо, или на зодчего, который построил этот дом, и в конце концов приводит нас к переживанию мира как того целого, что содержит все вещи и делает возможной сообщаемость между ними. Богослов сказал бы здесь, что созерцание вещи возводит к прославлению Творца.

Созерцание вещи в ее онтологической и эстетической определенности есть опыт жизни, прикосновения к полноте бытия. Вещь уникальна и прекрасна именно в той ситуации, в которой она находится и предстает наше-

му взгляду. Как только мы начинаем изымать вещь из ее связей и из некоторого конкретного порядка вещей, мы совершаем операцию абстрагирования, и это многое нам дает понять – но неизмеримо больше отнимает. Вызов, который сформулирован, скажем, в французской философии пост-модерна, состоит в утверждении возможности видеть вещь в ее определенности и конкретности и более того, – говорить о сингулярных ситуациях, а не о чистых отвлеченностях, идеальных абстракциях.

Простая вещь несет в себе тайну, хотя у нее нет от нас секретов. Секрет – это некая вербализуемая истина, текст, который от нас скрывают. Скажем, политические секреты легко формулируются на человеческом языке, но мы их не знаем в силу того, что органы госбезопасности их хорошо охраняют. В простой вещи нет секрета, но есть тайна. Камень, или дерево, или стакан себя являют, они себя открывают и в этой открытости предстают перед нами, но в них-то как раз и есть значения, которые принципиально невербальны, атекстуальны и поддаются только особым методикам исследования и извлечения.

Мне хотелось бы оставить здесь в стороне онтологические и метафизические выводы, которые очевидно могут последовать из такого подхода к вещи, и сделать некоторые замечания практического характера. С моей точки зрения, философия простых вещей обладает неисчерпаемым ресурсом счастья, поскольку дает пережить обыденность как драгоценность. В данном случае философия предстает как умственная дисциплина, которая позволяет обнаружить красоту, подлинность и крепость вещей, и в этом смысле философия – радость жизни, как говорит К. С. Пигров. Позволю себе небольшое автобиографическое отступление. Однажды зимним снежным темным утром, собираясь по делам, я приготовила себе чай, налила его в чашку – и тут что-то меня отвлекло, не помню, зазвонил телефон или позвал кто-то из детей, это неважно. Важно то, что, вернувшись в кухню к этой чашке чая, я вдруг увидела невероятную красоту этого благородного красновато-коричневого в белом, почувствовала этот дивный аромат, предокусила неопиcуемый вкус свежесваренного чая – а за окном в синих сумерках шел снег, и черные ветки деревьев были очерчены белым, и в конусах света под фонарями кружились снежные хлопья, и я ощутила глубокое блаженство от того, что я сейчас буду пить этот чай, а затем выйду под этот снег. Глубина этого блаженства возрасла от того, что оно не было эксклюзивным, специально подготовленным, не было связано с особыми демаршами – нет, причиной счастья была обычная утренняя чашка чаю перед выходом из дома. И в то же время драгоценность этого переживания усиливалась тем, что его могло не быть. Если бы не случилось случайного отвлекающего момента, утро протекло бы как всегда, в состоянии непробужденности, «в сумасшествии тихом», как говорил Блок, и блаженство, полнота, радость остались бы сокрытыми от меня за стеной инерции повседневного бытования.

Отсюда следуют два вывода. Во-первых, удивительное и впрямь рядом, в простых вещах сокрыты такое очарование и красота, которые могут сделать непотерянным каждый день нашей жизни. Во-вторых, для того, чтобы эта полнота жизни открылась, необходимо совершить некий сдвиг в

сознании, и, как мне кажется, задача философии заключается именно в том, чтобы создать эти методики проникновения в царственную полноту жизни, которая возможна уже здесь и сейчас. Философия хороша не только тем, что дает возможность удовлетворить жажду вопрошания, которая есть в нашем разуме, но прежде всего тем, что эта жажда вопрошания может нас привести к тому внутреннему состоянию пробужденности, свободы и собранности, которое может дать нам возможность радоваться здесь и сейчас.

3. Событийность (от всеобщего – к сингулярному)

Понятно, что здесь встает вопрос о соотношении философии и искусства: не является ли то, что сказано выше, апологией поэзии? Не становится ли стиль философии простых вещей наукообразным аналогом литературы? Отвечая на этот вопрос, хочу обратиться к одной статье Алена Бадью, которая посвящена французской философии XX века⁵. Он говорит о том, что есть философские моменты, каким был, скажем, момент античной философии, когда на протяжении каких-нибудь двухсот лет совпали в одном пространстве и времени удивительные люди, которые оставили удивительные книги, или немецкая классическая философия конца XVIII–начала XIX века: Гегель, Фихте, Шеллинг, Кант и кого там только нет – и это философский момент. Бадью призывает нас увидеть момент французской философии второй половины XX века и в качестве одной из конституирующих характеристик этого момента указывает как раз на значимый контакт между философией и литературой, потому что то, что делает Лакан, или Деррида, или Мишель Фуко, – это не столько система концепций, сколько создание некоего уникального дискурса, который является поэтическим в том смысле, что он разворачивает нас к реальности особым образом. Бадью говорит о том, что эта философия не только работает непрерывно с литературными текстами, но сама становится литературой. То, что произошло в XX веке, в французской философии прежде всего – это как раз и есть некий принципиальный поворот к литературе.

Так вот, как мне кажется, сегодня после таких великих предшественников философ может удержать в профессиональном дискурсе сингулярную вещь, позволить себе взять этот самый меч Дюрандаль⁶. Его не может удержать концепт – это правда, но его может удержать правильно организованный текст, который при этом не будет чистой поэзией, потому что он будет оставаться в рамках фундаментального философского вопрошания, он будет создавать некий механизм перехода от скольжения по поверхности вещей к проникновению в их глубину.

Обращение к молчаливой вещи актуализирует событие бытия, переводит наше проживание из плана символического в план реального (символическое неизбежно возвратится, но прозвучит уже как второй голос, выстроится как гармоническое созвучие над реальностью основного тона собы-

⁵ The Adventure of French Philosophy // <http://www.lacan.com>.

⁶ «Рука может удержать меч Дюрандаль, но слово удержать его не может» (М. Корецкая, Е. Иваненко, Е. Савенкова).

⁷ Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 427.

тия). Вещь много может сказать нам о мире и о нас самих, и прежде всего она говорит о радости и радуется. Мамардашвили считает радость критерием очевидности. Радость свидетельствует о прорыве за грань времени к вечно-настоящему. Верно, что «вещи и мир существуют лишь в той степени, в какой они переживаются мной или подобными мне субъектами, поскольку они являются сцеплением наших перспектив»⁷. Но верно и то, что «мы видим, что Ты сделал, ибо мир существует, но существует он потому, что Ты его видишь»⁸. Философское усилие способно совершать то преодоление времени и смерти, о котором говорит Блаженный Августин:

«Не только до мира не было времени, но и в нем его нет, ибо способен он всегда взирать на Лицо Твое, никогда от него не отвращаясь. Поэтому нет в нем изменения и перемены, хотя ему свойственна изменчивость, которая могла бы окутать его мраком и холодом, если бы не был он связан с Тобой великой любовью, которой по милости Твоей сияет и горит, словно вечный полдень»⁹.

⁸ Августин, А. Исповедь. М., 1991. С. 373.

⁹ Там же. С. 321.